

— Дворецкий Ли! — внезапно окликнул Ло Хэфэн.

Он считал, что, будучи старшим сыном, в ситуации, когда между родителями уже натянутая обстановка и ни один не желает уступить другому, он обязан что-то предпринять.

Например, попросить дворецкого убрать с глаз долой этих неприятных гостей из семьи Лю, которые всё ещё стояли в столовой.

Дворецкий Ли, прятаясь за колонной, поспешно вышел и быстрым шагом вернулся к обеденному столу.

— Старший молодой господин.

— Проводите их, — Ло Хэфэн указал на троицу Лю, потом с усталой гримасой посмотрел на траурную фотографию, которую всё ещё держал в руках Ло Цяньцзянь. — И эту рамку тоже уберите, немедленно!

Ло Чэнь и Хэ Жуянь, только что обменявшиеся резкими словами, на удивление промолчали — никто из них не стал вмешиваться.

Однако "зачинщик", их любимый сын Ло Цяньцзянь, не собирался так просто униматься.

— Просто взять и уйти? — невинно спросил он. — Мне всё-таки кажется, раз уж все пришли, почему бы не сесть и не поесть сначала? А то еда остынет. Хорошо хоть торт уцелел, можно будет отпраздновать папин день рождения.

Воцарилась мёртвая тишина.

Даже Лю Жо в этот момент внезапно прониклась сочувствием к Ло Чэню и Хэ Жуянь — иметь такого сына, который совсем не умеет читать атмосферу...

Спустя десять секунд первым заговорил Ло Хэфэн.

— Цяньцзянь, что с тобой сегодня? — его голос был таким же холодным, как всегда. — Даже если ты не всё продумал, когда устраивал этот... "сюрприз", ты хоть видел, до чего довел родителей? После такой ссоры ты ещё хочешь всех усадить за стол? Ты это нарочно, чтобы всем поперёк горла встать?

Ло Цяньцзянь моргнул, в голосе — наивное недоумение, от которого так и закипала кровь:

— То есть... старший брат считает, что я сделал что-то не так?

Ло Хэфэн тяжело вздохнул.

Ло Цяньцзянь перевёл взгляд на родителей:

— Папа, ты тоже думаешь, что я не должен был доставать фотографию дяди Му? Мам, а ты считаешь, что я зря пригласил тётю Лю с семьёй поздравить папу с днём рождения?

Ло Чэнь и Хэ Жуянь: ...

А ты не мог бы, пожалуйста, местами поменять вопросы и тех, к кому они обращены?

В общем, у всех на лице было написано раздражение.

Шестой брат, Ло Шаньтин, пробормотал:

— Третий брат сегодня какой-то странный... как будто нарочно...

В этот момент рамка с фотографией, что была в руках у Ло Цяньцзяня, с глухим звуком упала обратно на стол.

А сам Ло Цяньцзянь уже схватился за грудь и медленно опустился на стул, словно только что получил тяжёлый удар от самых близких людей.

Выглядел он подавленно и надломленно.

— Цяньцзянь?

— Третий брат! С тобой всё в порядке?!

Ло Цяньцзянь с детства отличался слабым здоровьем. Лицо его всегда было бледным, редко — розовым, а сейчас он выглядел особенно хрупким: будто на изящном и красивом лице появилась трещина, и оно вот-вот расколется.

Всем невольно стало тревожно. Остальное отступило на второй план.

— Кажется, я действительно сделал что-то не так... мне так плохо... — Ло Цяньцзянь держался за грудь одной рукой, а другой облокотился на стол и поддерживал голову. Голос его был тихим и слабым.

В столовой повисла звенящая тишина.

Ло Гунью цокнула языком и поторопила:

— Дворецкий Ли, не стой без дела. Немедленно выведи этих троих, и позови доктора Хэ, пусть осмотрит Цяньцзяня.

Дворецкий Ли тут же ответил:

— Слушаюсь, — и поспешил к семье Лю, делая рукой жест в сторону выхода.

Лю Жо слабо взглянула на Ло Чэня:

— Брат Чэнь...

Но Ло Чэнь в этот момент был абсолютно не в настроении с ней разговаривать — он просто отмахнулся рукой в сторону двери.

Хэ Жуюнь холодно фыркнула.

Дворецкий Ли повысил голос:

— Госпожа Лю, прошу.

Так семья Лю — все трое — была фактически выставлена за дверь.

В столовой пятой младшей мисс Ло Вэньхуань, до этого молчавшая, нахмурилась и подошла к Ло Цяньцзяню с обеспокоенным видом.

Ло Вэньхуань обратилась к Ло Хэфэну:

— Старший брат, ты ведь сам знаешь, что у тебя грубый тон. Третий брат и так слаб здоровьем, а ты его ещё упрекаешь. А если он из-за этого серьезно заболеет — что тогда?

Ло Хэфэн тоже нахмурился:

— Я ведь и не сказал ничего особенно тяжёлого... Цяньцзянь, может, ты пойдёшь полежишь в комнате? Подождём доктора, пусть он тебя осмотрит.

Но Ло Цяньцзянь и не думал уходить — он хотел остаться и досмотреть "спектакль".

— Кружится голова... не хочется двигаться... — его голос становился всё слабее, пока он не опустил голову прямо на стол, пряча при этом непрошеную улыбку, появившуюся в уголках губ.

Увидев это, Ло Вэньхуань, которая и так не особо жаловала Ло Хэфэна, продолжила настаивать:

— Старший брат, ты сам посмотри, до чего дошёл третьего! Ты же сам сказал, что он нарочно действует всем на нервы — и это ты называешь "не сказал ничего тяжёлого"?

Лицо Ло Хэфэна помрачнело — он терпеть не мог, когда его вот так прижимали к стенке.

— Вэньхуань, ты правда считаешь, что Цяньцзянь сегодня ни в чём не виноват? Родители уже дошли до слов о разводе. Разве он, как тот, кто устроил всё это, не должен дать объяснение?

Но Ло Вэньхуань ничуть его не боялась:

— Старший брат, ты ведь сам растил третьего брата, разве не знаешь, какой он человек? Он, наверное, самый спокойный и заботливый из всей нашей семьи. Пусть результат вышел не самый удачный, но изначально он ведь просто хотел устроить приятный сюрприз — и в этом нет ничего плохого. Папа, мама, вы тоже так думаете, правда?

Ло Чэнь и Хэ Жюань снова: ...

И правда, как тут сказать...

С одной стороны, они были раздражены тем, что их тайны вытащили наружу. Но с другой — ведь и друг друга разоблачили тоже... Они сердиты, да, но как будто и не совсем ошибочно...

Ло Чэнь вздохнул:

— Ладно. Вэньхуань тоже не совсем неправа. Цяньцзянь всегда был хорошим мальчиком. Сегодня он, конечно, поступил немного опрометчиво, не прочувствовал момент, повёл себя неловко... Но, А Фэн, не надо переносить свою манеру общения с подчинёнными на младшего брата. Мы ведь дома, а не в офисе.

Ло Хэфэн взглянул на Ло Цяньцзяня, лежащего на столе слабым и измождённым, и всё же не изменил свою точку зрения:

— Я именно потому так считаю, что хорошо знаю Цяньцзяня. Он не глупый и прекрасно разбирается в людях. Именно поэтому мне ещё больше кажется, что он сегодня всё делает намеренно.

Ло Цяньцзянь тихонько всхлипнул.

Ло Хэфэн немного замолчал, а потом добавил:

— Но я не думаю, что он делает это из злого умысла. Если бы кто-то и хотел нарочно всё испортить, вряд ли делал бы это так откровенно. Да и пользы для себя в этом он точно не получает. Я просто думаю... может, у него начался период бунта?

Остальные члены семьи услышали это и задумались — и внезапно это показалось им вполне логичным.

Пусть в 21 год это вроде бы поздновато, но не невозможно.

Цяньцзянь столько лет вёл себя паинькой, был покладистым и чутким... И вдруг взбунтовался. Вполне естественно.

Кроме как «поздний период бунтарства», объяснений действительно трудно найти — как человек с высоким эмоциональным интеллектом и стабильным характером вдруг стал таким слепым к ситуации и полностью погружённым в собственные фантазии?

Все члены семьи Ло одновременно подумали об этом: можно сказать, что Ло Цяньцзянь сделал всё нарочно, но это его «нарочно» — тоже как будто не специально.

Бунтарский период всегда приходит внезапно. Сам Ло Цяньцзянь, возможно, даже не осознал, что с ним происходит — просто делал то, что хотел.

Ло Гунью задумчиво произнесла:

— Может, это потому, что в семье мы слишком мало внимания уделяли Цяньцзяню? Бунтарство же бывает либо от слишком строгого контроля, либо наоборот — от недостатка любви и стремления привлечь внимание?

Ло Чэнь и Хэ Жюань, как родители, замолчали.

Правда в том, что они и правда мало уделяли внимания Ло Цяньцзяню.

Если точнее — вообще не так много заботились о детях в целом, а уж о Цяньцзяне и подавно: характер у него тихий, не вспыльчивый, да и хотя он часто болел, при нём всегда были слуги и врачи — такой ребёнок как будто не требовал участия и легко оставался в тени.

— Цяньцзянь, это из-за нас с папой? Мы слишком мало тебе внимания уделяли? — спросила Хэ

Жуянь.

Ло Цяньцзянь, всё ещё лежащий на столе: .....

Это было немного неожиданно, но не сказать чтобы совсем уж удивительно. Он ведь с самого начала не переживал, что устроенная им сцена принесёт ему какие-то неприятности.

В конце концов, это же семья Ло.

В этой семье хватает странностей и странных людей, и ещё один странный просто добавляет гармонии.

Хотя сам он не ожидал, что Ло Хэфэн додумался до такой «серьёзной» причины, как бунтарский период, чтобы оправдать его поведение сегодня.

Раз так, он и не стал больше притворяться больным.

Раз его любящая семья решила, что он бунтует — ну тогда ему точно нужно продолжать в том же духе, чтобы не разочаровать.

Ло Цяньцзянь сел прямо, лицо вновь стало спокойным, не выглядел ни слабым, ни обиженным.

Остальные члены семьи Ло удивились.

Ло Цяньцзянь слегка приподнял бровь:

— Это не бунтарский период и не спад эмоционального интеллекта. Я просто хотел пригласить тётю Лю и её семью пообедать вместе с дядей Му, пусть и в виде фотографии. Когда много людей — веселее, разве нет? А, и врача звать не надо. Я соврал, что плохо себя чувствую. Хотел посмотреть, как вы будете волноваться. Было забавно.

Члены семьи Ло: .....

Поздний бунтарский период. Диагноз подтверждён.

Ло Чэнь глубоко вдохнул и медленно выдохнул:

— Ничего страшного. У всех наших детей был бунтарский период. А Фэн в старшей школе хотел бросить учёбу и уйти в самостоятельную жизнь, Юю после выпуска из университета отказалась идти в семейную компанию и подалась в шоу-бизнес, Суйюнь, Вэньхуань и Шаньтин в подростковом возрасте тоже чудили. Цяньцзянь хоть и немного запоздал, но в семье мы

должны быть терпимыми...

— Цяньцзянь, ты правда хорошо себя чувствуешь? Не стоит притворяться на эту тему, — снова сказала Хэ Жуянь.

Ло Цяньцзянь не смог сдержать улыбку:

— С такой заботой от семьи — я прямо растроган.

Члены семьи Ло: .....

Растроган он, конечно, не выглядит. Зато как будто слегка издевается.

Раньше самый послушный ребёнок, а теперь — самый непредсказуемый.

Так или иначе, день рождения Ло Чэня прошёл как-то сумбурно, и вроде как всё поутихло.

Но уже на следующее утро Ло Чэнь и Хэ Жуянь снова начали ссориться.

Только теперь они, с некоторым запозданием, вспомнили, из-за чего вообще поссорились вчера. Проблема Цяньцзяня и его бунта была не главной.

Просто это слово — «бунтарство» — настолько отвлекло их внимание, что они совсем забыли о настоящем конфликте!

Хэ Жуянь:

— Ло Чэнь, ты за моей спиной содержал Лю Жо столько лет! Ты вообще кем меня считаешь?!

Ло Чэнь:

— Хэ Жуянь! Ты всё время торчишь в своей оранжерее. На самом деле ты просто сидишь там и вспоминаешь Му Цина, не так ли?! Смотри-ка, как хорошо ты сохранила ту фотографию!

Хэ Жуянь:

— А ты не просто к Лю Жо хорошо относился — ты её всю семью содержал! Даже если ты не отец её детей, всё равно — ты каждую неделю уходишь на встречи с ней, да? И чем это отличается от измены, Ло Чэнь? Мы разводимся!

Ло Чэнь:

— Кроме как разводиться, ты вообще что-нибудь умеешь? В молодости всё время грозила разрывом, прошло столько лет — а ты до сих пор при ссоре первым делом про развод! Ты просто уверена, что я тебя балую, Хэ Жуянь! Хорошо, давай разводиться, посмотрим, кто первый пожалеет!

Хэ Жуянь:

— Я буду жалеть только о том, что не ушла раньше! Неблагодарный ты человек!

Супруги ссорились во время завтрака, и снова превратились в разрушителей стола.

Хорошо хоть, завтрак был отдельный у каждого — они кидались посудой, остальные могли спокойно есть.

Хотя, из шестерых детей, только Ло Цяньцзянь действительно ел с аппетитом.

Он спокойно доел под эту яркую драму, поставил ложку и вздохнул:

— Папа, мама...

Ло Чэнь и Хэ Жуянь тут же замолкли. Остальные дети тоже рефлекторно обернулись к Ло Цяньцзяню.

А он с серьёзным видом спросил:

— Если вы разводитесь, как собираетесь делить опеку над нами, шестью братьями и сёстрами?

<http://bllate.org/book/14857/1321716>